

РАССЛЕДОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЛ ПРИ АННЕ ИОАННОВНЕ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ И МЕТОДЫ

И.В. Упоров, *д-р ист. наук, канд. юрид. наук, профессор*

М.А. Демьяненко, *канд. юрид. наук*

Российская академия естествознания

(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-253-258

***Аннотация.** Рассматриваются особенности расследования в Российской империи уголовных дел, связанных с деяниями против государства (по «первым двум пунктам»), в период правления Анны Иоанновны (1730-1740 гг.). Соответственно анализируются правовые акты, и прежде всего императорские указы как нормативно-правового, так и правоприменительного характера, архивные материалы по конкретным делам, научные труды по заявленной теме. Отмечается, что, как в предшествовавший, так и последовавший периоды абсолютистского правления в Российской империи XVIII в. по уголовно-политическим делам имела своя специфика, которая применительно к Анне Иоанновне заключалась, в частности, в том, что императрица при вынесении окончательных решений в основном полагалась на так называемые «экстракты» следственно-должностных лиц, а также на мнение своего особо доверенного лица – генерала Ушакова, главы Канцелярии Тайных розыскных дел. В целом в рассматриваемый период в практике производства следствий по уголовно-политическим делам сформировалась вполне определенная последовательность проведения следственных действий. При этом обвиненным не предоставлялось возможности заранее ознакомиться с обвинением, институт адвокатуры еще не действовал, в результате имел место явно выраженный обвинительный уклон.*

***Ключевые слова:** Анна Иоанновна; преступления против государства; Ушаков; пытка; допрос; тайная канцелярия; донос.*

Имевшая место в XVIII в. т.н. эпоха «дворцовых переворотов», в которую входит и период правления Анны Иоанновны, характеризовалась повышенным вниманием власти к проявлениям разного рода несогласия с правительственной политикой. Это и неудивительно – ведь монархи приходили к власти путем дворцовых переворотов, то есть, по сути, их фавориты и иные высшие чиновники-соучастники сами совершали неправомерные действия, и в случае неудачной акции по захвату власти претендентов на трон их вполне могла постичь трагическая участь царевича Алексея. Однако победившие соискатели монаршего звания сами становились законодателями и диктовали, таким образом, свою волю всему обществу. При этом малейшие посягательства против существующей власти жестко карались. И вот как раз по законодательству Анны Иоанновны (годы правления 1730-1740 гг.) это хорошо видно. Так, уже в 1731 г. последовал Именной указ, согласно которому дела бывшего Преображенского Приказа (органа политического сыска) пере-

давались в ведение генерала Ушакова, поскольку Анна Иоанновна «не доверяла сенаторам, среди которых было немало ее врагов, и хотела держать политический сыск под своим контролем, поэтому она и поручила, как ранее Петр I Ромодановскому, сыскные дела своему доверенному человеку Ушакову» [1, с. 112]. Вскоре после этого был издан Указ «Об учреждении Канцелярии для дел, переданных по именному указу от 24 марта 1731 г. в ведомство Генерала Ушакова; об именовании оной Канцелярии Тайных розыскных дел и о сношениях оной Канцелярии с Коллежиями» [2], которым, собственно, завершилась организация нового ведомство уголовно-политического судопроизводства.

Известный отечественный историк С.Ф. Платонов в этой связи отмечал, что, «тайная канцелярия, преемница Преображенского приказа петровской эпохи, была завалена политическими доносами и делами. Никто не мог считать себя безопасным от «слова и дела» (восклицание, начинавшее обыкновенно процедуру доноса и следствия). Мелкая

житейская вражда, чувство мести, низкое корыстолюбие могли привести всякого человека к следствию, тюрьме и пытке. Над обществом висел террор» [3, с. 236]. Руководитель Тайной канцелярии Андрей Иванович Ушаков, проявляя в рассмотрении дел особенно большую активность, по каждому делу формировал «экстракт», в котором проектировал характер и меру наказания для обвиняемых в государственных преступлениях, которые докладывал о них Анне Иоанновне или кабинет-министрам. Будучи человеком незнатного происхождения, прошедший путь от солдата до генерала, Ушаков сумел не только избежать репрессий, в отличие от своего бывшего начальника П.А. Толстого, но и, проявив преданность императрице, завоевать ее благосклонность. Так, вместе с А.П. Волынским А.И. Ушаков судил князей Долгоруких, а вскоре, по воле Бирона, он пытал уже и Волынского (это уголовно-политическое дело, как и в целом деятельность А.П. Волынского достаточно широко освещены в литературе, в том числе современной [4; 5; 6 и др.]). А потом Ушаков уже допрашивал самого Бирона, свергнутого Минихом, еще через несколько месяцев «непотопляемый» Ушаков уличал во лжи на допросах Миниха и других своих бывших «коллег», признанных новой императрицей Елизаветой Петровной врагами отечества [7, с. 69].

Уголовно-политические дела возбуждались на основе определенной информации, при этом в рассматриваемый период наиболее распространенными были доносы, изветы, рапорты (доношения, доклады, экстракты) чиновников. Явка с повинной также являлась основанием для возбуждения уголовного дела. Мотивы явки с повинной были разные – и понимание неизбежного разоблачения, и желание проявить свои убеждения (религиозные фанатики), были в их силе и психически неполноценные люди. Так, в 1737 г. в Москве произошла драматичная история с двумя братьями Иваном и Кондратием Павловыми, принявшими старообрядчество. Хозяин квартиры Ивана Синельников показал на допросе, что когда он зашел к своему жильцу, то Павлов сказал ему о своем намерении идти в Тайную контору – «и оный Синельников того Павлова спросил: “для чего он идет?” И Павлов тому Синельникову сказал, что-де идет за

старую веру пострадать”. Он же Синельников на помянутыя Павлова слова говорил: «Коли у тебя охота припала – это-де не худо – пострадать за Бога» [8, с. 117]. Отправившегося в крестный путь Ивана провожали его жена Ульяна и брат Василий, Кондратий уже был в сыске. Своей подруге Ульяна сказала, что братья «пошли-де на труд в старом кресте и она-де, Ульяна, того своего мужа с оным Василием провожала» [8, с. 117], при этом обе женщины плакали. Павловы после проведенного следствия были казнены – ответственность за религиозные преступления была очень суровой.

Как свидетельствуют архивные материалы, доносчики в определенной мере не доверяли, выражаясь современным языком, спецслужбам того времени, опасаясь искажения той информации, которую они хотели донести до властей – отсюда и стремление делать заявления об этом предельно публично. Однако громогласное же объявление доносчиками о государственном преступлении сыск обычно не одобрял, и таких «крикунов» даже наказывали. Так, летом 1731 г. в саду у дворца Анненгоф императрицу Анну Иоанновну перепугал некто Крылов, который, «пришед в Аннингоф и вошед в сад, где соизволила быть Ея и.в. и тогда он, Крылов, дерзновенно став на колени, закричал, что есть за ним Ея и.в. слово в такой силе, что знает он, Крылов, Ея и.в., и государству недобро желателей и изменников» [9, л. 80]. Следствие по его делу выяснило, что «измены никакой ни за кем он. Крылов, не показал» [9, л.80]. Такие действия были сочтены достаточным поводом для возбуждения уголовного преследования, которое в итоге закончилось вынесением приговора, в соответствии с которым Крылов был бит кнутом и сослан в Охотск [9, л. 81]. В 1733 г. некто Чюнбуров кричал, что его сослуживец не был у присяги. В приговоре о Чюнбурове сказано: «доносить надлежало было ему просто». Было решено учинить Чюнбурову наказание – «дабы впредь о настоящих делах доносители имели б к доношению ревность» [9, л. 99].

Нередко доносы объявляли те, кто уже находился за иные провинности в местах лишения свободы, и целью, вероятно, облегчить свою участь, некоторые из них заявляли о «государевом деле». Учитывая такое положение, законодатель в довольно объемном Указе

«О доносах по первым двум пунктам» от 10 апреля 1730 г. особое внимание обратил как раз на особенности отношения к доносам, исходящих от лиц, уже осужденных либо находящихся в местах предварительного заключения. В частности, указывалось: «Если которые колодники, сидя в тюрьмах за караулом, в татьбах, в разбоях, в смертных убийствах, в кражах, и в других каких злодействах, или будучи на каторге, или ссыльные в котором городе сведают о вышеписанных великих делах, состоявших в двух пунктах, тем о том доносить того же дня, как уведают; а если в тот день донести за каким препятствием не успеют, то на другой день ... А которые воры и разбойники, или другие какие злодеи приговорены будут к смерти, и посажены в покаянную, или при самой экзекуции станут сказывать слово и дело, таким в доносах их не верить, а по суду казнить смертью, дабы, продолжая живот свой, не затевали, и невинные б по лживым их доносам напрасно не страдали» [10]. В целом, как видно, уже осужденным преступникам веры их доносам было значительно меньше, чем вольным людям.

Методы при проведении следствия использовались уже ставшими к тому времени традиционными [11]. В общем случае сыск заключался в допросе доносчика (изветчика), задержании обвиненного с последующими допросами всех фигурантов по делу. Соответственно особое значение при допросе доносителя придавалось выяснению правдивости его показаний. Так, в одном из документов того времени (1732 г.) о доносчике Никифоре Плотникове сказано: верить его извету нельзя, потому что он на ответчика после доноса показал «прибавочные слова». В итоге извет был объявлен ложным, Плотников бит кнутом и сослан в Охотск. Примечательно, что его наказали, несмотря на то что часть сказанных им «непристойных слов» ответчик все-таки признал [12, л. 142]. Учитывая подобного рода обстоятельства, 15 февраля 1733 г. в дополнение к отмеченному выше указу (от 10 апреля 1730 г.) императрица подписала дополнительный указ от 15 февраля 1733 г. «О доносителях по первых двум пунктам и о наказании за несправедливые доносы» [13]. В этом акте, в частности, предписывалось: «Велено о великих, важных делах, ежели кто подлинно уведает, доносить саму ж истину,

не примешивая к тому от себя ничего, а на невинных в том никто б вымышленно и ложно доносить и слов объявлять отнюдь не дерзали, дабы от того те невинные напрасно не претерпевали» [13]. И уже по этому указу в 1733 г. плетью били копииста Моровецкого, который выступил доносчиком на семерых крестьян. В приговоре по этому делу объясняется причина порки изветчика: «о слышании продерзостных слов надлежало было ему, Моровецкому, доносить самую истину, не прибавляя к тому от себя ничего и за то учинить ему, Моровецкому, наказание» [12, л. 100об.].

Большое значение при расследовании подобного рода уголовно-политических дел Важным имели показания свидетелей. Если ни отсутствовали, то доносчик, при отказе обвиняемого, а как правило было именно так, рисковал самому быть наказанным, поскольку без веских доказательств веры ему со стороны следователей было мало. Так произошло, в частности, с неким Петровым, который донес в 1732 г. на Федорова. В следственных документах указывалось: «понеже без розыску показания ево за истину признать невозможно потому, что свидетельства никакова на означенные непристойные слова он, Петров, не объявил и что, хотя он о тех словах на онного Федорова в роспросе, и в очной с ним ставке, и с подъему и утверждался, но тому поверить невозможно потому, что и оной Федоров в роспросе, и в очной ставке, и с подъему в том не винулся» [12, л. 114]. Даже небольшие сомнения лишь одного из свидетелей в точности извета сводила подчас на нет все показания других свидетелей и самого изветчика. Если же изветчик пытался уточнить свой донос, то новые его показания называли «переменными речами», их признавали «подозрительными», а это автоматически вело изветчика к пытке и наказанию. Так, в 1732 г. казнили некоего Немировича, который донес на Жукова, но «о важных непристойных словах не доказал и затеял те важные непристойные собой, вымысля собою» [12, л. 10].

Вслед за допросом изветчика, обвиняемого и свидетелей как правило производилась очная ставка. Во время очной ставки также осуществлялся роспрос участников дела, а их одновременное присутствие позволяло с большей объективностью судить об истинном

развитии событий, указываемых в извете. Результатом очной ставки был соответствующий протокол. В историко-правовой литературе встречается мнение, что очная ставка по своему содержанию представляла обвинительную форму судопроизводства и соответственно данное следственное действие можно называть судом [14, с. 363]. Действительно, при очной ставке как на суде (судьей выступал производящий допрос) обеим сторонам предлагалось излагать свои доказательства. Таким образом, очная ставка являла собой элемент судебного разбирательства. Вместе с тем, поскольку субъекты допроса на очной ставке не обладали полномочиями вынесения судебных решений, то по своему процессуальному значению очная ставка всё же не могла быть отнесена к суду. Это было одно из следственных действий во время предварительного расследования (сыска), которое лишь по форме производства напоминало суд. Перед очной ставкой все привлеченные к ней люди клялись на кресте и Евангелии говорить только правду. Очная ставка была нужна и для того, чтобы снять противоречия в показаниях сторон. Так, в протоколе 1732 г. по делу Шокурова, на которого донес матрос Емельян Фролов, сказано: «Определено: означенных матроса Фролова, мичмана Шокурова и свидетеля гардемарина Галафеева ... распросить каждого порознь, обстоятельно, и, буде в чем у них учинится спор, и в том дать очные ставки» [12, л. 3].

При расследовании уголовно-политических дел особое значение придавалось «экстрактам», которые представлялись судебной коллегии или непосредственно монарху как правило руководителями сыскных ведомств в виде предельного обобщенного заключенного по рассмотренному делу (по современной терминологии – заключение должностного лица). В материалах следственных дел, производимых в рассматриваемый период правления Анны Иоанновны, нередко встречаются сведения о том, что приговор преступникам, определялся именно по экстрактам. Так, в деле некоего Погуляева сохранилась копия протокольной записи о приговоре, вынесенным императрицей Анны Иоанновны по этому делу, где, в частности, указывалась: «1733 г., генваря 31. В Канцелярию тайных розыскных дел генерал ... Ан-

дрей Иванович Ушаков объявил, что по учиненной в Тайной канцелярии выписке и по объявленному под тою выпискою Тайной канцелярии определению ... докладовал он, генерал и ковалер, Ея и.в. и Ея и.в., слушав оной выписки и определения, соизволила указать в учинении оному Погуляеву за показанную ево вину смертной казни» [15, л. 19].

Приведенный и другие подобные примеры показывают тот объем влияния на судьбы обвиняемых в совершении преступлений, который оказывали на окончательные решения руководители и другие высокопоставленные чиновники органов политического сыска. Зачастую не только достаточно было их краткого доклада верховному судье (монарху) для вынесения окончательного приговора, но и они сами нередко получали делегированные полномочия выносить окончательные приговоры. Так, в отмеченном примере одной лишь резолюцией государыни, записанной со слов Ушакова, преступник был приговорен ни много ни мало к смертной казни. В деле Вестенгарт и Петровой (1735 г.) приговор был оформлен несколько иначе. Все тот же А.И. Ушаков подал императрице Анне Иоанновне экстракт дела и свое предложение: «Не благоугодно ли будет по милосердию Вашего величества вместо пытки и смертной казни учиненной Яганне жестокое наказание кнутом и сослать в Сибирь в дальний монастырь и содержать там ее в том монастыре неисходно и пищу давать против того монастыря монахинь» [16, с. 556]. В тот же день он получил собственноручную краткую резолюцию государыни: «Вместо кнута бить плетьюми, а в протчем быть по вашему мнению». На этом основании был составлен указ 26 июля 1735 г., гласивший, в частности: «По силе полученного сего 26 дня июля имянного Ея и.в. указа, подписанного Ея и.в. на поданном ис Тайной канцелярии экстракте с объявлением Тайной канцелярии определения о мадаме Ягане Петровой собственной Ея и.в. рукою, по учинении оной Ягане за важную вину, о чем явно во оном экстракте, наказания плетьюми и ссылке в Сибирь в дальний девичий монастырь» [16, с. 556].

Другим типичным следственным действием была пытка. Это средство добывания показаний использовалось достаточно активно в первой половине XVIII в. с постепенным

снижением этой активности и отменой пытки к концу этого столетия. Как и очная ставка, пытка находила определенное закрепление в законодательстве, при этом во время пытки обвиняемые нередко оговаривали и себя, и других. Вместе с тем известный историк права В.Н. Латкин полагает, что «расспрос с пристрастием» также зачастую означал собственно пытку [17, с. 84], хотя формально, начиная с принятия петровского «Краткого изображения процессов и судебных тяжб», это были разные следственные действия [18, с. 640]. Обычно допрашивали «у пытки» следующим образом. Человека подводили к дыбе, которая представляла собой примитивное подъемное устройство: в потолок или в балку вбивали крюк, через него (иногда с помощью блока) перебрасывали ремень или веревку, один конец ее был закреплен на войлочном хомуте, называемом иногда «петля». В нее вкладывали руки пытаемого. Другой конец веревки держали в руках помощники палача. Роспрос «стоя у дыбы по подъему») был, несомненно, сильным средством морального давления на подсудимого, особенно для того, кто впервые попал в застенки. Человек стоял под дыбой, видел заплечного мастера и его помощников, мог наблюдать, как они готовились к пытке: осматривали кнуты, разжигали жаровню, лязгали страшными инструментами. Такого рода пытки в рассматриваемый период достаточно подробно описано в историко-правовой литературе (в числе авторов М.И. Семевский, В.А. Линовский, В.И. Елинский, Г.В. Есипов, А.А. Голубев, Е.В. Анисимов и др.).

Кроме того, особенностью уголовного процесса рассматриваемого периода по преступлениям против государства были также непосредственные решения императрицы в некоторых судопроизводственных стадиях и без участия розыскных органов. Обычно это представляло собой случаи, когда императрица налагала опалу, даже не ставя в извест-

ность сыскное ведомство о составе преступления человека, за которое определялась опала, о причинах опалы и других обстоятельствах дела. Так, 4 февраля 1732 г. Анна Иоанновна послала главнокомандующему Москвы С.А. Салтыкову именной указ, в котором предписывалось «обретающагося в Москве иноземца Еядиуса Наундорфа, который стоит в Немецкой слободе на квартире у капитана Траутсмана, сыскав его, вам послать за караулом в Колский острог, где его отдать под тамошний караул и велеть употребить в работу, в какую годен будет и на пропитание давать ему по пятнадцать копеек на день из тамошних доходов и повелевает нашему генералу и обер-гофмейстеру Салтыкову учинить по сему указу» [19, с. 4]. Такого рода приговоры состоялись без проведения предварительного следствия, и основывались, вероятно, причинами личного характера. Практика свидетельствует также о том, что следствие хотя и велось, но могло по велению монарха внезапно прерваться без объяснения причин, учитывая абсолютистскую форму правления [20].

В целом в рассматриваемый период в практике производства следствий по уголовным делам сформировалась вполне определенная последовательность проведения следственных действий, которая в целом относилась и к делам по уголовно-политическим делам, хотя по последним, как отмечалось, имелись свои специфические черты. Так, после получения доноса (извета) возбуждалось дело, и немедленно производился допрос самого доносчика (изветчика), при этом была выработана форма допроса, который оформлялся в виде протокола. Обвиненным не предоставлялось возможности заранее ознакомиться с обвинением, равно как они не могли проверить содержание протоколов, где записывались их показания. Институт адвокатуры еще не действовал. В результате имел место явно выраженный обвинительный уклон.

Библиографический список

- 1 Анисимов Е.В. Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII в. – М., 1999.
- 2 Сенатский Указ от 06.04.1731 г. «Об учреждении Канцелярии для дел, переданных по именному указу от 24 марта 1731 г. в ведомство Генерала Ушакова; об именовании оной Канцелярии Тайных розыскных дел и о сношениях оной Канцелярии с Коллегиями» // ПСЗ-1. № 5738.
- 3 Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. – М., 1990.
- 4 Польской С.В. Артемий Волынский и его «злодейския разсуждения и проект» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2008. – № 1. – С. 7-19.

5. Батмаев М.М. А.П. Волынский как руководитель «Калмыцких дел» // Пространство науки. – 2025. – № 1. – С. 145-160.
6. Фаизов А.В. Хроника истории Кабинета министров при разных «составах» (1731-1741) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2023. – № 6.
7. Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. – М., 2002.
8. Студенкин Т.И. Запленные мастера // Русская старина. – 1873. – Т. 9. – С. 114-126.
9. РГАДА. Разр. 7. Оп. 1. Д. 266.
10. Указ от 10.04.1730 г. «О доносах по первым двум пунктам» // ПСЗ-1. № 5528.
11. Упоров И.В. Первое законодательное регулирование тюремного заключения как наказания в российском праве // Государство и право. – 1998. – № 9. – С. 86-90.
12. РГАДА. Разр. 7. Оп. 1. Д. 253.
13. Указ от 15.02.1733 г. «О доносителях по первых двум пунктам и о наказании за несправедливые доносы» // ПСЗ-1. № 6325.
14. Дмитриев Ф.М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от судебника до учреждения о губерниях. – М., 1899. Т. 1. С. 362.
15. РГАДА. Разр. 7. Оп. 1. Д. 299.
16. Есипов Г.В. Яганна Петрова, камер-медхен Екатерины 1-й // Исторический вестник. – 1880. – № 3. – С. 550-559.
17. Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XI-X вв.). – СПб., 1894.
18. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.
19. Книга записная именным письмам и указам императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны Семену Андреевичу Салтыкову. 1732-1742 гг. // Чтения Общества истории и древностей российских при Московском университете. 1878. Кн. 1.
20. Старков О.В., Упоров И.В. Теория государства и права: учебник (3-е изд., перераб., и доп.). – Москва, 2012.

INVESTIGATION OF CRIMINAL-POLITICAL CASES UNDER ANNA IOANNOVNA: ORGANIZATIONAL ASPECT AND METHODS

I.V. Uporov, *Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor*
M.A. Demyanenko, *Candidate of Legal Sciences*
Russian Academy of Natural Sciences
(Russia, Krasnodar)

***Abstract.** This article examines the specifics of investigating criminal cases related to acts against the state (under the first two counts) in the Russian Empire during the reign of Anna Ioannovna (1730-1740). Legal acts, primarily imperial decrees of both a normative and law enforcement nature, archival materials on specific cases, and scholarly works on the topic are analyzed accordingly. It is noted that, both in the preceding and subsequent periods of absolutist rule in the Russian Empire in the 18th century, Criminal-political cases had their own specific features, which, in the case of Anna Ioannovna, consisted, in particular, in that the empress, when making final decisions, relied primarily on the so-called "extracts" of investigative officials, as well as on the opinion of her most trusted confidant, General Ushakov, head of the Secret Investigation Office. Overall, during the period under review, a very specific sequence of investigative actions emerged in the practice of conducting criminal-political cases. Moreover, the accused were not given the opportunity to familiarize themselves with the charges in advance, and the institution of the legal profession did not yet exist, resulting in a clearly pronounced accusatory bias.*

***Keywords:** Anna Ioannovna; crimes against the state; Ushakov; torture; interrogation; Secret Chancellery; denunciation.*